

Елизавета Федоровна Литвинова

**Жан Антуан Кондорсе. Его
жизнь и научно –
политическая деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Е51

Елизавета Федоровна Литвинова
Е51 Жан Антуан Кондорсе. Его жизнь и научно – политическая деятельность /
Елизавета Федоровна Литвинова – М.: Книга по Требованию, 2012. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-3465-4

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-3465-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Е. Ф. Литвинова
Жан Антуан Кондорсе (1743—
1794). Его жизнь и научно –
политическая деятельность

*Биографический очерк Е. Ф. Литви-
новой
С портретом Кондорсе, гравирован-
ным в Петербурге К. Адтом*

Введение

Имя Кондорсе известно математикам, экономистам, философам, политическим деятелям, но ни первые, ни вторые, ни третьи не составят себе полного понятия о силе ума этого замечательного человека, рассматривая какой-нибудь один род его деятельности, потому что ни в одной из названных областей знания он не сделал того, что мог бы сделать в том случае, если бы отдался исключительно одной науке. Личность этого истинного друга человечества так своеобразно отразилась на его деятельности, что понимание последней без уяснения первой сделалось невозможным. Великие современники Кондорсе – Д'Аламбер, Лагранж, Вольтер, Тюрго и другие – высоко ценили его ум и талант и все без исключения преклонялись перед его нравственностью. Однако слава Кондорсе при жизни и после смерти была далеко не пропорциональна его дарованиям и заслугам; толпа его не понимала; он слишком опередил свой век, и имя его никогда не гремело при жизни; не скоро отдали ему должное и по смерти. В истории Конвента имя Кондорсе кажется бледным сравнительно с именами Робеспьера, Дантона, Марата. В истории философии ему посвящают несколько строк. Не более благосклонны к нему были вплоть до нашего времени и представители других наук. В 1894 году в марте исполнилось сто лет со дня смерти Кондорсе, и отношение к нему во Франции совершенно изменилось. Эту знаменательную перемену наш известный экономист М. Ковалевский описывает следующим образом. В столетнюю годовщину смерти Кондорсе, родоначальника теории прогресса, Франция ставит ему памятник, которого до сих пор не удостоились ни Мирабо, ни Верньо, ни вожаки монтаньяров, за исключением одного только Дантона. В чем лежит причина такого пристрастия; какую особую притягательную силу имеет в себе эта личность; что заставляет различные партии окружать ее одинаковым почетом? В Кондорсе воплощаются одновременно и дух великого века философии, дух энциклопедистов и физиократов, и политические стремления, восторжествовавшие уже в наше время. В нем ученый математик, блестящий, экономист и публицист сливаются с одним из первых провозвестников и защитников народовластия, с действительным виновником проведенной Конвентом реформы публичного образования, наконец, с творцом той новой науки, которая приближается к современной нам истории культуры и гражданственности. В то же время Кондорсе как политический деятель не забрызган кровью сентябрьских жертв; его имя не встречается в списке ближайших виновников смерти Людовика XVI; он ближе всех деятелей своего времени к интересам и задачам нашего. Современники его, пользовавшиеся в свое время большей славой, отходят теперь на второй план. Когда-то они затмили Кондорсе своими бросающимися в глаза качествами, теперь же истина вступает в свои права. И эта посмертная участь Кондорсе в высшей степени для нас поучительна. Из биографии Кондорсе мы увидим, что он сам менее всего стремился к славе и постоянно думал о благе человечества. Несмотря на это, мы, по всей вероятности, знали бы о личности его очень немного, если бы он не состоял в близких отношениях с Вольтером, Д'Аламбером и др. Теми биографическими данными, которыми мы теперь располагаем, мы обязаны также его близким друзьям и родным. Эти данные мы находим в биографии Кондорсе, написанной Араго, в

биографии, приложенной к изданию его сочинений 1847 года, и, наконец, в позднейшем сочинении Робинэ «*Vie de Condorcet*» и в статье М. Ковалевского о Кондорсе в «Вестнике Европы» (1894 год, март и апрель). Но лучшими пособиями к уяснению личности Кондорсе служат переписка его с Тюрго и с Вольтером, написанные им биографии замечательных людей, в которых он так прекрасно высказывает свои общие взгляды на жизнь, а также его завещание или советы дочери, послание в стихах, посвященное жене, и, наконец, политическая исповедь, написанная в последний год жизни. Вот и все материалы, которыми можно располагать в настоящее время для уяснения сложной и в высшей степени интересной личности Кондорсе.

Глава I

Предки Кондорсе. – Мать и ее влияние в раннем детстве, развитие чувствительности и сдержанности. – Первоначальное образование в Реймсе. – Отрицательное влияние иезуитов. – Поступление в Наваррскую коллегию и первые успехи на математическом поприще. – Отношение Кондорсе к чистой науке. – Кондорсе и Д'Аламбер.

Жан Антуан Никола́ Коришот маркиз де Кондорсе принадлежал к древнему роду французской аристократии. Предки его известны между прочим тем, что едва ли не первыми во Франции приняли и стали открыто исповедовать протестантскую религию. Некоторые из них прославились своей храбростью на войне, другие занимали высокое положение в духовной иерархии и выдавались стойкостью своих убеждений. Отец Кондорсе служил капитаном в кавалерии. Дядя же, старший брат отца, был влиятельным епископом в Лизье и отличался сильным характером; он всегда выступал заклятым врагом янсенистов, против которых также много писал. Наследственный замок Кондорсе, находившийся в Дофинэ, перешел по наследству к старшей линии. Коришот Кондорсе родился 17 сентября 1743 года в Пикардии, в маленьком городке Рибемоне. Отец его умер в то время, когда сыну шел пятый год. Как видно, капитан оставил после себя ограниченное состояние: нам известно, что издержки по воспитанию Коришота принял на себя старший брат отца, епископ в Лизье. Мать Кондорсе, урожденная де Кудре, была женщина нежная, впечатлительная, сострадательная, пламенно преданная религии и в то же время преисполненная сословных предрассудков. Лишившись мужа и оставшись с ограниченными средствами, она чувствовала себя одинокой, беззащитной в жизни и прибегала к «теплой защитнице мира холодного»; она посвятила Божьей матери и своего единственного сына. Кондорсе от природы был крепкого сложения, широкоплечий, с высокой грудью. Его высокопоставленные родственники видели в нем будущего воина – храброго защитника Франции, а мать трепетала при одной мысли, что ее сын будет проливать чужую кровь и подвергать опасности свою жизнь.

До восьми лет Кондорсе не снимал белого длинного платья из тонкого батиста, обшитого кружевом; оно должно было служить символом чистоты и непорочности дитяти, посвященного Богу. Это платье вообще играло важную роль в жизни Кондорсе. Из-за него он позднее, чем его сверстники, поступил в школу: другие мальчики стали бы смеяться над ним и дергать за юбку, называя девчонкой; платье же мешало ему принимать участие в играх и шалостях. Он хорошо знал, в какой ужас пришла бы его мать, увидев сына в испачканном и разорванном платье; а это легко могло случиться, если бы он начал представлять из себя лошадку или кучера. Боязнь огорчить любимую мать приучила от природы живого и резвого мальчика сдерживать свои желания и порывы в самом раннем возрасте. Мать замечала, по всей вероятности, что слишком стесняет сына, и совесть упрекала ее за это, но мысль увидеть его с исцарапанным лицом или с подбитым глазом была невыносима тонкой, изящной аристократке. Наблюдательный, вдумчивый мальчик также замечал эту борьбу в сердце матери и старался казаться равнодушным каждый раз, когда ограничивали его детскую свободу; так научился он владеть и выражением своего лица. Вследствие неподвижности в

детстве мускулы его развивались вяло; он так и остался неловким на всю жизнь и, жалуясь впоследствии на слабость ног, приписывал происхождение ее своему длинному белому платью, сильно стеснявшему движения их в детстве. Под влиянием матери в Кондорсе развились чувствительность и сострадание не только к людям, но и к животным. Отсутствие же детских игр и развлечений развило в нем наблюдательность и привычку размышлять. Но созерцательному ребенку, одаренному добрым и честным сердцем, приходилось часто слушать надменные разговоры родных, проникнутых сословными предрассудками, и он рано начал задумываться над вопросами справедливости и нравственности. Дядя-прелат вполне одобрял первоначальное глубоко религиозное воспитание своего племянника, но когда мальчику пошел девятый год, он заметил невестке, что пора наконец освободить будущего прелата или воина от женского платья, и через год он отвез мальчика в Реймс в учебное заведение, находившееся в то время в руках иезуитов. Умственные силы Кондорсе обнаружили очень скоро: он прекрасно учился и особенно охотно занимался гуманитарными науками, составлявшими главные предметы в школе; но, несмотря на то, что Кондорсе провел свои отроческие годы под исключительным влиянием иезуитов, его доброе сердце помешало ему проникнуться свойственным им духом религиозной нетерпимости; напротив, противоположное чувство рано пустило в душе его глубокие корни.

В пятнадцать лет он был беспорочным и честным юношей; чувствительность его была так велика, что он не мог заниматься ни охотой, ни рыбной ловлей. Дядя-прелат очень усердно следил за успехами своего племянника и, вероятно, скоро заметив в нем проявления пытливого, свободного ума и несклонность к духовному поприщу, стал готовить его к военному званию.

Всякое другое занятие считалось в то время унижительным для дворянина. Но для военного неизбежно знание математики, которая находилась в пренебрежении у иезуитов. То, что Кондорсе был отдан дядею к иезуитам, и наводит на мысль, что мальчика изначально готовили к духовному поприщу.

В 1758 году Кондорсе получил уже награду за успехи в словесных науках и перешел в Париж в Наваррскую коллегию, где начал свое математическое образование. Успехи его в этой науке были поразительны. Через десять месяцев после вступления своего в коллегию Кондорсе, в присутствии Д'Аламбера, Клеро и Фонтеня, превосходно защищал очень трудный тезис из области высшего анализа, и эти светила науки тогда же признали в нем своего будущего знаменитого собрата. Такое единогласное одобрение великих математиков возбудило в молодом Кондорсе ревностное желание отдаться математике. Однако ученая карьера не входила в планы его дяди и других родных; все они смотрели на занятия математикой как на переходный этап, необходимый для будущей военной карьеры. Вопреки всем желаниям родных, Кондорсе решил посвятить себя науке и, окончив курс в коллегии, поселился у своего бывшего учителя Жиро де Керуду в Париже, где вел тихую, скромную жизнь.

В то время, несмотря на молодость, он был уже глубоким мыслителем. Но не одна математика занимала ум и сердце семнадцатилетнего юноши; он предавался размышлениям об основах нравственности и справедливости и создавал свою собственную теорию нравственности.

С юных лет Кондорсе верил в то, что род человеческий способен к беспре-

дельному совершенствованию, и самой приятной обязанностью считал непосредственное содействие этому бесконечному прогрессу; он также был убежден, что это вообще есть первая обязанность всякого человека, разум которого развит и укреплен наукой и размышлением.

В жизни и деятельности Кондорсе играли также очень важную роль личные привязанности. Дружба с Д'Аламбером возбудила в значительной степени его рвение к математике.

Большая восприимчивость и живость Д'Аламбера сглаживали неравенство лет; Д'Аламбер был двадцатью шестью годами старше Кондорсе, но умел зажигать в друзьях страсть к математике. Известное его сочинение «О системе мира» нашло в Кондорсе горячего поклонника и возбудило в нем желание заниматься теоретической астрономией. Под влиянием Д'Аламбера Кондорсе написал свое известное сочинение о так называемой задаче трех тел. Но не одна математика сблизила Кондорсе с Д'Аламбером. Оба они обладали разносторонним умом, и частые сношения служили для них обоим источником многих удовольствий. Д'Аламбер всеми силами старался привязать Кондорсе к науке. Из переписки Д'Аламбера с Лагранжем мы узнаем, что Кондорсе мог сделаться членом Академии наук еще в 1768 году, то есть двадцати пяти лет, но тогда против этого сильно восстали его родственники, считая звание академика несовместимым с достоинством маркиза. Через год те же родственники наконец уступили упорному желанию Кондорсе посвятить себя науке, и в 1769 году он вступил в Академию. Деятельность Кондорсе на новом поприще была настолько значительна, что нам придется говорить о ней особо. Через шесть лет после своего поступления в Академию Кондорсе стал ее секретарем; он занял это почетное место после преодоления больших препятствий.

И здесь дело не обошлось без участия Д'Аламбера; 15 апреля 1775 года он писал Лагранжу: «Против меня и Кондорсе сильно интригуют в Академии, и король всех интриг – Бюффон». Через девять лет после того, как Кондорсе сделался секретарем Академии наук, он наконец был принят в члены Французской Академии на место Сареля. И здесь, как и в Академии наук, его ревностным защитником выступил Д'Аламбер, противником явился Бюффон, а конкурентом – астроном Бальи. Гримен упоминает об этом обстоятельстве в своей переписке; он говорит: «Д'Аламбер выиграл настоящее сражение, восторжествовав над Бюффоном». Известный своею пылкостью, Д'Аламбер воскликнул: «Я меньше был бы рад открытию квадратуры круга, чем этой победе». И это произошло за год до смерти Д'Аламбера. На горячую дружбу Д'Аламбера Кондорсе отвечал глубокой привязанностью; он принимал неизменное участие во всех событиях жизни Д'Аламбера, как это видно из переписки его с госпожой Леспинас, подругой великого математика. И Д'Аламбер понимал и ценил сердце Кондорсе настолько, что завещал ему заботиться о тех старых слугах, которые ухаживали за ним во время его последней, долгой и тяжелой, болезни. Кондорсе не обманул надежд Д'Аламбера: он в продолжение всей своей жизни окружал попечениями его старых служителей; после же смерти Кондорсе эти заботы приняла на себя его жена, а потом дочь и муж ее, Оконорэ.

Первый труд Кондорсе по математике относился к интегральному исчислению; он был представлен Академии наук в мае 1765 года и заслужил самые лучшие отзывы Д'Аламбера и Лагранжа. В это время Кондорсе с большим рве-

нием занимался именно математикой, и его мемуары один за другим печатались в сборниках трудов академий Берлинской, Петербургской, Болонской.

От чистой математики Кондорсе перешел к астрономии и занялся труднейшим вопросом об определении пути комет. Этим предметом занимались Ньютон, Фонтен, Эйлер; несмотря на последнее обстоятельство, вопрос был настолько еще не решен, что Берлинская Академия назначила в 1774 году премию за научную его обработку. Премии никто не заслужил, и присуждение ее отсрочили до 1778 года. В этом году Кондорсе получил ее пополам с Темпельгофом.

В июне этого года Лагранж писал Кондорсе: «Ваш превосходный труд заслужил бы полную премию, если бы Вы потрудились дать приложение Ваших общих теоретических соображений к какой-нибудь одной комете; это последнее условие входило в требование Берлинской Академии наук». Но для этого необходимы были сложные вычисления, которых всегда избегал Кондорсе. Он говорил, что механизм этого рода требует самого напряженного внимания и нисколько его не возбуждает. В упомянутом нами труде выступают с большою ясностью особенности научных занятий Кондорсе. Он легко преодолел все аналитические трудности и остановился перед сравнительно ничтожными; очевидно, при своих занятиях он не имел в виду решения задачи, поставленной Берлинской Академией, и потому выполнил только ту часть труда, которая представляла интерес для него самого. То же самое в большей или меньшей степени относится и ко всем другим его трудам в области точных наук. Он обращал слишком мало внимания на изложение. Его мысли иногда по глубине и силе можно сравнить с мыслями Эйлера и Лагранжа, но выражены они далеко не так просто, ясно и точно. Д'Аламбер, сам не всегда безупречный в этом отношении, удивлялся, что Кондорсе как бы совершенно забывал о своем читателе. В марте 1772 года он писал по этому поводу Лагранжу: «Я очень желаю, чтобы наш общий друг Кондорсе, обладающий таким сильным умом и талантом, изменил свою манеру писать, но должно быть она лежит в его природе». Эта небрежность в изложении научных трудов скорее обуславливалась отношением Кондорсе к точным наукам; он находил в них глубокий интерес, но считал эти занятия для себя и для своих современников делом второстепенным.

Занятия наукой он предпочел военной карьере, к которой чувствовал совершенную несклонность. Но слишком большая восприимчивость не давала ему ограничиться одной наукой, уйти в занятие математикой. И эта неспособность хотя бы на время всецело отрешиться от жизни наложила свою печать на все его научные труды. От математики Кондорсе легко и охотно переходил к вопросам нравственности, занимавшим его голову еще в то время, когда он ходил в белом платье. Девятнадцати лет от роду в одном из своих писем к Тюрго он уже высказывал мысль, что, преследуя истину, необходимо прежде всего отложить всякие теологические соображения. Эта мысль созрела в его голове под кровлей иезуитов. В 1775 году он писал также Тюрго: «Необходимо подчинять все личные интересы чувству долга и беречь как драгоценный дар свою природную чувствительность и сострадание к ближним, которые составляют источник всякой добродетели».

Как ни скудны наши сведения о детстве и юности Кондорсе, нам понятна история внутреннего развития его главных свойств – чувствительности и сдержанности, которым он сам придавал такое большое значение в жизни. Прежде

чем он начал учиться и стал размышлять, сердце его согрела любовь ко всему, что способно чувствовать и страдать.

После смерти Д'Аламбера Кондорсе только урывками занимался математикой; он начал было печатать свой новый трактат об интегральном исчислении, но издал только первые 16 листов, затем отдался другим занятиям и, по-видимому, совершенно о нем забыл; дальнейшая судьба этого замечательного труда нам, к сожалению, неизвестна.

Справедливость требует сказать, что такое отношение к чистой науке было более или менее свойственно всем французским математикам того времени.

Из биографии Д'Аламбера нам известно, что и его жизнь нередко отвлекала от науки наук; то же самое происходило с Лазаром Карно и Монжем; астроном Бальи погиб на эшафоте. Исключение в этом отношении представляет только Лаплас. Что касается Кондорсе, то отзывчивость его к вопиющим вопросам жизни не знала пределов. В занятиях своих математикой Кондорсе главным образом видел могучее средство развить и укрепить свой ум, и впоследствии он не раз и в письмах, и в разговорах высказывал оригинальную мысль, что научная деятельность служит подготовкой к общественному поприщу.

Оставив продолжение труда по интегральному исчислению, Кондорсе обратился к теории вероятностей, стремясь приложить ее к вопросам нравственности и политики. Это стремление было так ново в то время, что подняло целую бурю, и Кондорсе пришлось со всей энергией отстаивать возможность этого приложения. Теория вероятностей уже оказала великие услуги человечеству: она уяснила всю бесполезность лотерей, азартных игр, пролила истинный свет на все без нее непонятные финансовые операции, которые заключали в себе поистине нечто таинственное для людей, незнакомых с этой теорией. Но Кондорсе хотел воспользоваться своими знаниями анализа, чтобы значительно расширить область приложения теории вероятностей к вопросам общественной жизни и проложить ей новый путь.

И в этом заключается его громадная заслуга, к сожалению последняя в области математики. Мало-помалу другие предметы совершенно отвлекли его внимание. В 1770 году Кондорсе сопровождал Д'Аламбера в его поездке в Ферней к Вольтеру. Несмотря на то, что Вольтер в то время был уже очень стар, он совершенно очаровал Кондорсе; последний писал Тюрго: «Я нашел Вольтера таким живым и деятельным, что готов был бы считать его бессмертным, если бы он не обнаружил такой беспощадной несправедливости к Руссо». Во всяком случае знакомство с Вольтером произвело сильное впечатление на Кондорсе и возбудило в нем страсть к литературе. С другой стороны, дружба с Тюрго склоняла его к занятиям политической экономией, имеющей близкое отношение к вопросам благосостояния человечества. Из этого, однако, не следует, что Кондорсе был человеком просто подчиняющимся постороннему влиянию. Для того чтобы понять, какое значение для него имела дружба, необходимо познакомиться со многими особенностями его характера и с его взглядом на дружбу.

Характеристикой замечательной личности Кондорсе мы обязаны двум женщинам: жене друга нашего философа, академика Сюора, и госпоже Леспинас, прозванной Музой «Энциклопедии» за свою близость к философам своего времени. Обе они сходятся, как мы увидим, в том, что господствующей чертой характера Кондорсе была доброта.